

Приют жизни

Сойка Оля

Оля Сойка

Приют жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69397696

SelfPub; 2023

Аннотация

Пока на территории Украинской ССР в 1942 году царствовали смерть и разрушение, в маленьком приюте при монастыре сохранялись жизнь и любовь. Но ради защиты этого маленького островка радости монахам приходилось хранить много тайн, способных погубить всех в этом доме.

Оля Сойка

Приют жизни

1942

Когда на полях сражений лежали груды солдат и полыхающим огнем, горела Европа, в воздухе летали первые тела евреев из крематориев Аушвица, и кто-то в это же время рисковал всем ради ребенка на пути в монастырский приют студитов в селе Унев.

Стук в дверь детского дома прозвучал, как волнующая мелодия сердца. Иеромонах Даниил Тымчина открыл дверь в дождливую улицу .

– Христос посреди нас. Брат Даниил, я с Адамом Ротфельдом.

– И есть, и будет. Брат Константин, Адам, проходите скорей.

Скрипучая дверь захлопнулась. Монах Константин вместе с мальчиком, которого он прятал в своем плаще от дождя, последовали за священником. Даниил предложил им выпить чаю, на что они согласились. Повернув направо они оказались в большом красочном помещении, где стояло около пятидесяти стульев и пять столов. Отдельно стоял стол немного меньше, за которым сидели братья монахи, руководящие приютом. После того как Даниил Тымчина налил чаю, поставил на стол печенье и произнес молитву над пищей, Кон-

стантин перешел к своему делу, из-за которого он и оказался за этим столом:

– Брат, архимандрит Климентий Шептицкий велел мне привести к вам в приют Адама.

– Да, он предупредил меня, что один монах должен привести ко мне большую драгоценность – мальчика еврея.

Даниил Тымчина указал мальчику рукой на стул, а ребенок, как маленький запуганный черный щенок сел за стол. Иеромонах подал ему печенье и кружку с чаем и спросил:

– Сколько тебе лет Адам?

– Мне четыре года.

– Вы знаете его отца Леона Ротфельда, он вел дела нашего монастыря? – спросил Константин.

– Ах да, он был также и прекрасным адвокатом.

– Как у вас тихо в приюте, как будто пятьдесят сорванцов испарилось.

Слова монаха Константина очень рассмешили доброго отца полсотни мальчиков:

– О нет, они исчезли из коридора, сейчас сидят за партами, а головы мучаются от знаний. Сейчас школа, возможно, – самое лучшее лекарство от войны. Они могут играть, бегать, прыгать, но только в мирное время. Во время войны же они не могут ничего не делать, кроме как думать о смерти людей на фронте, своих родных от рук нацистов и о том, что они погибнут из-за бомбардировки...

– А школа заставляет детей об этом не мыслить. – сказал

Константин.

Взрослые ушли в глубокие и печальные раздумья о том, что происходит совсем близко – за десятки километров от них. Когда Константин снова заговорил, маленький Адам доел печенье:

– Спасибо вам, брат Даниил, мне уже надо идти. Вам ведь нужно еще показать нашему другу его новый дом, пока не вернулись его новые братья.

– Да, обязательно. Я провожу тебя до выхода.

Адам вместе с иеромонахом пошел провожать Константина. На улице уже закончился дождь – стало выглядывать солнце, осушающее своими лучами лужи на земле.

– Храни тебя Господь. – попрощался монах Даниил.

– Бог в помощь. – ответил Константин.

– До свидания. – попрощался мальчик.

– До свидания, мой дорогой друг.

Адам провожал глазами уходящего монаха, пока тот не скрылся за ворота детского приюта.

– Ну что, Адам, давай я покажу тебе твой новый дом. На первом этаже справа у нас располагается кухня и столовая, в столовой ты уже был, а кухня, давай пройдем обратно в столовую..., вот здесь.

Монах показал рукой на дверь, которая располагалась в конце комнаты с шестью столами.

– Адам, хочешь посмотреть на кухню?

– Да. Извините, а как мне к вам обращаться?

– Здесь меня зовут отец Даниил. Тогда давай пройдем в царство кастрюль.

Дверь открылась – маленькому мальчику стала видна небольшая кухня, в которой могли бы уместиться один взрослый и пятеро детей.

– Теперь, мой друг, давай пройдем в левое крыло первого этажа... Это молитвенная комната, в ней каждое утро после завтрака все жители этого дома, в том числе и дети, собираются на молитву и песнопения.

– Отец Даниил, а что это за картина в конце зала?

– Это картина из стекла, которая не висит на стене, а находится в стене с выходом на улицу, она называется витражом.

– Отец, а мне тоже надо будет молиться? Мне рассказывал мой папа, что вы поклоняетесь Иисусу Христу, а мы – евреи должны поклоняться Эль-Шаддаю.

– Да, Адам, я понимаю, но для того, чтобы никто из детей не смог узнать, что ты еврей, ты должен как можно меньше от них отличаться. Притом Иисус Христос – это сын Эль-Шаддая. Но ты вправе сохранить свои убеждения. Ну что пойдем на второй этаж?

– Да.

Монах с Адамом вышли из молитвенной комнаты в коридор и поднялись на второй этаж по широкой лестнице, перила которой были из такого же белого, как и лестница, камня. Поднявшись, отец Даниил заговорил шепотом:

– На втором этаже располагаются учебные классы, их

здесь семь. Урок должен закончиться через десять минут: нам надо поторопиться, чтобы тебя никто не увидел.

– Но почему?

– Я тебе объясню, когда мы с тобой дойдем до моей комнаты.

Отец Даниил не зря боялся того, что кто-то из детей узнает, что Адам Ротфельд был евреем. Ведь если об этом узнает ребенок, то обязательно скажет другим детям или взрослым, а те, в свою очередь, могут донести эту ценную информацию до нацистов, которые будут рады поймать еще евреев и тех, кто их укрывал. А для них было долгом уничтожить всех евреев и тех, кто их спасал. Ведь, по их мнению, они, совершали самое большое преступление, за которое убивали без суда.

Иеромонах и мальчик поднялись на третий этаж и вошли в первую от них комнату. Она была мала и очень проста: белые стены, на одной из которых висел крест, окно, письменный столик, на котором лежало несколько книг, и небольшая кровать, покрытая серым одеялом. Монах закрыл дверь и ответил на вопрос Адама:

– Нельзя, чтобы тебя сейчас видели, у тебя еврейское имя, и на тебе нет нательного крестика.

Отец Даниил достал из ящичка крестик на черной ниточке, одел мальчику на шею и сказал:

– Адам, ты никогда не должен забывать и стесняться того, что ты еврей, никто не должен знать о твоём происхождении.

Здесь у тебя должно быть новое имя, но ты всегда помни, что твое имя Адам Ротфельд. Теперь ты должен откликаться только на имя Данило Червынский. Ты меня понял?

– Да, отец.

На обеде отец Даниил познакомил всех ребят с Данилой.

Однажды, врач, осматривавший всех детей в приюте, увидел, что Данило, Курт Левин и Дорко Боровецкий, были обрезаны по еврейскому закону. Отец Даниил запретил мальчикам ходить в туалет в присутствии других детей и сказал, чтобы они отдельно ходили в баню.

Только несколько монахов знали о происхождении этих детей. Они учили их молиться и преподавали катехизис, чтобы когда нацисты решили бы провести проверку приюта, знают ли дети молитвы или основы катехизиса, то они смогла бы ее пройти. Благодаря осторожности трех мальчиков евреев, монахов и архимандрита Климентия Шептицкого, нацисты так и не раскрыли секрет приюта в Униве.

Описываемые события произошли во время исторического явления, которое получило название Холокост, геноцид в отношении евреев и других этнических и социальных групп. В период Холокоста были уничтожены около шести миллионов евреев, девятнадцати с половиной миллионов советских мирных граждан и военнослужащих, и это, возможно, не полное число жертв Холокоста по этим двум группам людей.

В каждой стране, подчиненной Германии, находились та-

кие люди, которые, как иеромонах Даниил Тымчина, спасший несколько мальчиков в приюте, и архимандрит Климентий Шептицкий, который помог выжить около двумстам детям, которые избавляли от смерти евреев, рискуя своей жизнью и жизнями своих родных.

Не смотря на миллион погибших евреев на территории Украины, трое мальчиков из монастырского приюта студитов после войны смогли раскрыть свою тайну людям. Адам Ротфельд (Данило Червынский) уехал в Польшу, где стал ученым и политиком. Леон Хамайдес (Курт Левин) нашел своих родственников и в 1949 году эмигрировал в США, а Оded Амарант (Дорко Боровецкий) вернулся к своим родителям, переехав потом в Израиль.

В отличии от спасенных детей, с Даниилом Тымчина и с Климентием Шаптицким судьба не была так добра. Первый прошел десять лет исправительно-трудовых лагерей, а второй умер в тюремной больнице. Но их подвиги не остались незамеченными. Институт Катастрофы и героизма «Яд ва-Шем» удостоил их звания «Праведник народов мира».